

КРИМИНАЛИСТИКА

Научная статья
УДК 343.9

doi: 10.17223/23088451/25/19

**МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
И НЕКОТОРЫЕ НЕТРАДИЦИОННЫЕ СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Кирилл Константинович Клевцов¹

¹ НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия, klevtsov001@gmail.com

Аннотация. В статье приводятся методы противодействия расследованию, а также некоторый опыт зарубежных государств в их преодолении. Автором сделан акцент на использовании таких нетрадиционных и современных способов преодоления, как опрос с использованием полиграфа, который под определенным углом зрения рассматривается как законный прием. С другой стороны, встречаются и довольно спорные, к которым следует отнести гипноз, или вовсе незаконные, граничащие с пыткой, – применение «сыворотки правды» при производстве вербальных следственных действий (наркоанализ) или «допрос третьей степени». Также рассматриваются альтернативы экстрадиции – чрезвычайная рендиция как способ преодоления противодействия уголовно преследуемых лиц, связанных с пребыванием последних за рубежом. Особо оговаривается техническое противодействие и приводится опыт США относительно возможности получения электронной информации напрямую от поставщиков услуг вне рамок традиционной взаимной правовой помощи по уголовным делам.

Ключевые слова: зарубежный опыт, полиграф, гипноз, «сыворотка правды», чрезвычайная рендиция, электронная информация

Для цитирования: Клевцов К.К. Методы противодействия расследованию преступлений и некоторые нетрадиционные способы их преодоления: зарубежный опыт // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 109–117. doi: 10.17223/23088451/25/19

Original article
doi: 10.17223/23088451/25/19

**METHODS OF OBSTRUCTING CRIME INVESTIGATIONS AND SOME NON-TRADITIONAL
APPROACHES TO COUNTERACT THEM: INTERNATIONAL PRACTICES**

Kirill K. Klevtsov¹

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, klevtsov001@gmail.com

Abstract. Methods of obstructing crime detection and investigation are largely symmetrical across jurisdictions (e.g., crime scene staging, false testimony etc.). However, approaches to counteracting such obstruction vary significantly in substance. This is particularly evident in common law countries (e.g., India, the U.S.), where law enforcement employs legally permissible techniques (e.g., polygraph-assisted interviews); legally contentious methods (e.g., hypnosis); outright unlawful practices bordering on torture and, in some cases, constituting torture itself (e.g., "truth serum" administration during interrogations (narcoanalysis) or "third-degree" interrogation tactics). Concurrently, most nations now face technology-driven obstruction, compelling law enforcement to develop specialized hardware/software solutions, such as digital forensics tools (e.g., Israel's UFED, Sweden's XRY for electronic evidence extraction); blockchain analytics platforms (e.g., U.S.-based Chainalysis for cryptocurrency transaction tracking).

Keywords: international practice, polygraph, hypnosis, "truth serum", extraordinary rendition, digital information

For citation: Klevtsov, K.K. (2025) Methods of obstructing crime investigations and some non-traditional approaches to counteract them: International practices. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 109–117. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/19

I. Общая характеристика противодействия расследованию. В Российской Федерации вопросам противодействия расследованию преступлений уделяется существенное внимание, о чем свидетельствует множество научных работ по криминалистике [1–3]. Противодействие предварительному расследованию представляет собой «умышленное конфликтное поведение,

осуществляемое участниками уголовного судопроизводства и (или) лицами, не имеющими какого-либо процессуального статуса, в отношении деятельности правоохранительных органов по предупреждению, выявлению, пресечению и расследованию преступлений, целью которого является воспрепятствование достижению правоохранительными органами задач (назначе-

ния) уголовного судопроизводства путем осуществления различных способов сокрытия преступлений и (или) иных действий, не связанных с воздействием на доказательственную информацию о событии преступления» [4. С. 76].

Как отмечается в литературе, «объектом же криминалистического учения являются: преступная деятельность по противодействию расследования и ее механизм (действие субъекта по противодействию расследования преступления, способы и приемы противодействия); деятельность уполномоченных лиц по преодолению такого противодействия (способы распознавания и выявления признаков противодействия, таких как резкое снижение преступной активности, осуществление сопротивления правоохранительной системе, резкое изменение показаний потерпевших и свидетелей, уничтожение материалов уголовного дела или мести, негативные публикации в СМИ и др.) и реализации максимального комплекса мер преодоления противодействия расследованию преступлений» [5. С. 225].

Стоит согласиться, что противодействие не всегда протекает в форме противоправных действий, поскольку многие способы не наказуемы законом. Так, отказ от дачи показаний подозреваемым и обвиняемым усложняет предварительное расследование, однако это право указанных лиц, которое закреплено Конституцией Российской Федерации и УПК РФ [6. С. 61]. В то же время здесь, как представляется, усматривается злоупотребление правом в контексте римской максимы: *male enim nostro iure uti non debemus*.

Вне зависимости от того, в каком государстве расследуется преступление, методы противодействия, как правило, одинаковые. Сюда уместно отнести фальсификацию документов, склонение свидетеля дать заведомо ложные показания, инсценировку преступного события, выезд за пределы территории населенного пункта, где было совершено преступление, или же вовсе за пределы государства, уничтожение следов преступления и доказательств, симуляция психического расстройства, изменение внешности, «физическое устранение» должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, оказание физического, психического или иного воздействия на иных участников уголовного судопроизводства и т.д.

Зачастую таким противодействием занимаются не только подозреваемые или обвиняемые, а также недобросовестные защитники – адвокаты [7].

II. Нетрадиционные способы преодоления противодействий расследованию.

§ 1. Полиграф. Одним из современных методов разоблачения лжи уголовно преследуемого лица или иного участника уголовного процесса является опрос с использованием *полиграфа*. В России по общему правилу результаты исследования с использованием «детектора лжи» не отвечают требованиям, предъявляемым законом к доказательствам, в том числе требованию достоверности, а использование такого рода исследований

применяется на стадии предварительного расследования в целях выработки и проверки следственных версий. Соответственно, результаты психофизиологического исследования с использованием полиграфа не являются доказательством, а используются в основном в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий¹.

Между тем совсем иная ситуация на этот счет складывается в государствах, входящих в англосаксонскую правовую семью (систему общего права). Наиболее показательным будет приведение опыта *Соединенных Штатов Америки*, где использование полиграфа проникает во многие виды деятельности людей, в частности, при осуществлении контрразведывательного изучения и оценки персонала [8. С. 97–152]. Психологические испытания на полиграфе при раскрытии и расследовании различного рода преступлений в Америке производятся давно [9], но не всегда имели и имеют положительный результат.

Так, «может служить примером ошибочное осуждение несовершеннолетнего П. Рейли, у которого жестоким способом была убита мать. Подозрение полиции пало на Рейли. Физически истощенного и голодного Рейли подвергли в полиции сначала “интенсивному допросу” и сразу же после допроса – испытанию на полиграфе, результаты которого оказались для Рейли неблагоприятными. Проводивший испытание оператор сумел убедить Рейли в научной непогрешимости испытания. Тогда Рейли решил, что, по-видимому, совершил убийство матери в состоянии невменяемости, “признался и был осужден”. Лишь через несколько лет была установлена невиновность Рейли» [10. С. 152].

Как представляется, в том числе из-за таких ситуаций в 1970-е гг. Комитет по вопросам уголовного права Чикагской ассоциации юристов высказал мнение, что: «(1) полиграф используется при расследовании в силу того психологического эффекта, который он вызывает у лиц, фактически виновных в преступлении; (2) в зависимости от опыта оператора и влияния других причин возможны от 5 до 30% ошибочных результатов испытаний; (3) неквалифицированные операторы могут явиться причиной несправедливости в отношении невиновных лиц; (4) отказ подвергнуться испытанию на полиграфе не должен оказывать влияние на действие презумпции невиновности; (5) результаты испытания на полиграфе не должны служить заменой компетентного расследования преступлений; (6) вследствие постоянно имеющих место погрешностей результаты испытаний на полиграфе не должны использоваться в качестве доказательств в судебных процессах» [10. С. 154].

Американские суды сформулировали свою позицию насчет законности использования в уголовном процессе результатов тестирования на полиграфе. Так, Верховный Суд Пенсильвании в 1950-х гг. отметил: «...для того чтобы суды США принимали результаты таких исследований в качестве достоверных доказательств, нужно, чтобы с большей определенностью была установлена научная надежность и безошибочность полиграфа и

¹ Подробнее см.: апелляционные определения Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2017 г. № 59-АПУ17-3; от 10 января

2017 г. № 9-АПУ16-16, от 26 июля 2016 г. № 73-АПУ16-10; от 16 ноября 2016 г. № 84-АПУ16-11 и др.

других методов психологического выявления лжи» [11. С. 73]. Причем одним из условий признания подобных результатов в качестве доказательств того периода явилось наличие добровольного согласия лица пройти опрос с использованием «детектора лжи» [12. Р. 22].

Как отмечается в специальной литературе, «в соответствии с решением по делу “Daubert” новые принципы оценки экспертного исследования включали в себя следующее: (1) может ли теория или метод, на которых основано доказательство, быть проверенным; (2) имеет ли метод известный коэффициент ошибок при применении; (3) подвергались ли теория или метод, основанный на ней, полноценному научному обзору и опубликованию; (4) в какой мере теория или метод приняты в соответствующем научном обществе; (5) в каком объеме разработаны стандарты определения допустимости использования данного метода.

При этом отмечалось, что ни один из принципов, предложенных судом, не должен быть строго определенным, и их рассмотрение должно было быть более гибким с учетом наличия конкурирующих потребностей: ограждения суда присяжных от непроверенной псевдонауки и сохранения судов открытыми для появляющихся новых научных разработок» [11. С. 74].

§ 2. Гипноз. В ряде государств некоторым средством преодоления противодействию раскрытия и расследования преступлений является *гипноз* (hypnosis). Например, «в Израиле действует Закон об использовании гипноза 1984 года. Под гипнозом в нем понимается любое действие или процесс, который предназначен или потенциально может с помощью внушения вызывать изменения в состоянии сознания другого лица, ощущениях его тела, в эмоциях, мыслях, памяти или поведении (ст. 1). Среди целей гипноза, кроме медицинских и научных, в данном законе названо освежение памяти при расследовании, проводящемся полицией или службой безопасности (п. 5 ст. 3). Лицо может подвергнуться гипнозу только добровольно с письменного согласия и только после того, как ему будет разъяснена природа процесса гипноза и его возможные последствия (п. 1 ст. 5). Арестованный или задержанный может согласиться на допрос под гипнозом только в присутствии своего или назначенного министерством юстиции адвоката (п. 3 ст. 5). Гипноз может применяться только по постановлению специальной созданной комиссии. Лицо, подозреваемое в преступлении, полиция не может подвергать следственному гипнозу, кроме случаев, когда оно само письменно просит об этом в присутствии адвоката с целью доказать свою невиновность. Однако все сказанное лицом во время следственного гипноза не может использоваться как доказательство его вины (п.п. «а», «б» и «г» ст. 8)» [13].

В США под гипнозом понимают активизацию памяти опрашиваемых — очевидцев преступления, позволяющую целенаправленно управлять процессом репродукции латентной информации, хранящейся в их памяти, вследствие чего такая информация даже признается судами в качестве доказательств [13. С. 52]. Так, «представляет интерес позиция Верховного Суда США, обоснованная им по делу “Рок против Арканзаса”

(1978). В этом деле единственным лицом, которому могли быть известны обстоятельства совершенного убийства, была сама подсудимая, но она не могла дать показаний, поскольку ничего не помнила. С учетом данного обстоятельства было высказано предложение вызвать у подсудимой гипнотический транс, который помог бы восстановить в ее памяти обстоятельства преступления. Гипнотический сеанс был проведен, однако суд исключил из судебного разбирательства показания, которые подсудимая дала в этом состоянии. В дальнейшем Верховный Суд США поддержал доводы стороны защиты о том, что исключение данного доказательства является нарушением конституционного признаваемого права подсудимой на защиту, поскольку лишило на месте присяжных заседателей показаний единственного свидетеля, который был на месте преступления и непосредственно воспринимал все фактические обстоятельства» [14. С. 213].

Кроме того, в Руководстве для прокуроров США подчеркивается, что «гипноз свидетеля не должен использоваться, если нет явной необходимости в дополнительной информации. Свидетель никогда не должен быть загипнотизирован, если он не дает письменного согласия, и он должен быть осведомлен о правовой природе гипноза. Только психологу/психиатру, обученному судебному гипнозу, должно быть разрешено загипнотизировать свидетеля. Во время допроса следует избегать начальных вопросов, чтобы избежать возможности неправильного предложения ответов на вопрос. Допрос, сделанный, когда свидетель подвергается гипнозу, должен быть снят на видео, а в дополнении к любой звукозаписи должна быть подготовлена стенограмма». Между тем стоит иметь в виду, что зафиксированная в памяти информация может быть искажена (модифицирована), вследствие чего предполагается, что информация, сообщенная опрашиваемым в ходе гипноза, должна проверяться другими объективными способами, а не браться за аксиому [15].

В этой связи в США выработаны конкретные правила применения гипноза, подкрепляющие достоверность полученных при этом сведений, соблюдение которых является обязательным условием принятия судами показаний, полученных под гипнозом, в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве, а именно:

- «(1) добровольное согласие опрашиваемых лиц на его проведение;
- (2) проведение сеансов гипноза высококвалифицированными психиатрами или психологами;
- (3) независимость специалиста-гипнолога (отсутствие конфликта интересов);
- (4) информирование специалиста-гипнолога лишь со сведениями, необходимыми ему для проведения сеанса гипноза;
- (5) запись сеанса гипноза на аудио-, видеопленку;
- (6) при записи сеанса гипноза не должны присутствовать представители полиции и обвинения;
- (7) сеансу гипноза должна предшествовать подробная беседа с гипнотизируемым, тщательное изучение его психофизиологического состояния;

(8) рекомендуется составлять специальную инструкцию для присяжных, в которой в ясной и доходчивой форме должно быть разъяснено, что гипноз является лишь средством восстановления памяти, но не гарантией достоверности полученных с его помощью сведений» [16].

Как и результаты с использованием полиграфа, так и добровольный «гипнотизированный опрос» и другие нетрадиционные методы раскрытия и расследования преступлений [17] могут быть использованы как средства выдвижения версий или же как способ обнаружения ранее не известных правоохранительным органам доказательств, но говорить об их допустимости с точки зрения доказательственного права сейчас, как представляется, преждевременно [18].

§ 3. «Сыворотка правды». Еще одним крайне спорным с точки зрения соблюдения принципа законности способом преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений видится применение наркотических или психотропных препаратов в ходе допроса (наркоанализ)¹. В быту это стало именоваться как использование «сыворотки правды» (*truth serum*), под которой понимается разговорное название ряда психоактивных препаратов, используемых для получения информации от субъектов, которые не желают предоставлять информацию правоохранительным органам (к ним относятся этанол, скополамин, мидазолам, флунитразепам, натрий тиопентал, амобарбитал и другие вещества) [19. С. 92]. Заметим, что «сыворотка правды» используется правоохранительными органами в различных государствах, хоть и в ряде случаев имплицитно [20, 21].

Например, Центральное бюро расследований Индии использовало внутривенные барбитураты для допроса при расследовании резонансных уголовных дел. Одним из таких случаев был допрос Аджмаля Касаба, террориста, задержанного во время терактов 2008 г. в Мумбаи. Также наркоанализ был применен на Кришну, ключевого свидетеля и подозреваемого в громком деле об убийстве Ааруши-Хемраджа в 2008 г., чтобы получить информацию у него, а также определить его доверие как свидетеля с ключевой информацией, еще не известной следственным органам [22]. Причем это не единственные случаи.

К примеру, 5 мая 2010 г. Верховный Суд Индии в деле «Селви против штата Карнатака» постановил, что «наркоанализ, полиграф и картографические тесты мозга должны быть разрешены после согласия обвиняемого, поскольку ни один человек не может быть вынужден и подвергнут таким методам невольно. В противном случае это равносильно необоснованному вторжению личной свободы».

В США на этот счет сформирована достаточная практика, в том числе и та, которая отрицает возможность использования результатов допросов в качестве доказательств. К примеру, в 1963 г. Верховный Суд

США постановил в деле «Таунсенд против Сейн», что признания, полученные в результате принятия «сыворотки правды», были неконституционно принудительными и, следовательно, неприемлемыми. Жизнеспособность таких доказательств, полученных посредством применения психотропных препаратов, была рассмотрена в судах низшей инстанции – судьи и свидетели-эксперты в целом согласились с тем, что они не надежны для обнаружения лжи. Совсем недавно судья одобрил использование наркоанализа в судебном процессе по делу о стрельбе в Авроре, штат Колорадо, в 2012 г., чтобы установить находился ли подсудимый Джеймс Иган Холмс невменяемым в момент совершения общественно опасного деяния. Судья Уильям Сильвестр постановил, что прокурорам будет разрешено допрашивать Холмса под влиянием медицинского препарата, предназначенного для того, чтобы ослабить его волю и заставить говорить.

В юридической литературе данная процедура была описана следующим образом%

«Для того чтобы снизить у допрашиваемого эмоциональный самоконтроль, ему с помощью шприца медленно вводят наркотик в вену. Если ввести наркотик быстро, человек может уснуть, что исключает возможность проведения допроса. Кроме того, быстрое введение наркотика может вызывать вредную и даже опасную для организма реакцию: спазмы дыхательных путей, горла, тошноту, рвоту и др.

Вводя наркотик, допрашиваемого просят очень медленно вслух считать. Когда веки его глаз начинают трепетать и речь становится неясной, инъекция может быть остановлена и начат допрос. Иногда введенная доза оказывается большей, чем это нужно, и допрашиваемый впадает в состояние почти полной бессознательности. В таком случае лицо, ведущее допрос, следит, когда допрашиваемый начнет постепенно избавляться от действия наркотика, и в этот период, как только он оказывается способным понимать задаваемые вопросы, его допрашивают. Предполагается, что под влиянием наркотика происходит растормаживание сдерживающих центров, у допрашиваемого в это время отсутствует способность правильно рассуждать и что-либо продумать, тогда как память о событиях, имевших место в прошлом, остается у него ненарушенной <> После того как допрашиваемый полностью освобождается от действия наркотика, он обычно не помнит содержания данной им информации и не имеет правильного представления о продолжительности допроса» [10. С. 161–162].

Возникает закономерный вопрос в законности, гуманности таких допросов, в том числе, как это коррелируется с принципом презумпции невинности? Как отмечают американские ученые, несмотря на тот факт, что применение «сыворотки правды» не запрещено Конвенцией против пыток и других жестоких, бесчеловечных

¹ Его основоположником является доктор Роберт Эрнест Хауз, который писал, что «это метод, позволяющий, вопреки желанию субъекта, извлечь из его памяти информацию, “запрятанную” на подсознательном уровне психики, путем инъекции в кровь некоторой дозы скопо-

ламина. Этот препарат вызывает либо глубокий сон, либо бодрствование при “выключенном сознании”. В таком искусственно бессознательном состоянии человек может отвечать на вопросы подобно малому ребенку – честно, непосредственно, не пытаясь уйти от ответа, обмануть или схитрить» [16. С. 224].

или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г., поскольку причинение боли, которое только намеренно вызывает признание, является пыткой, ее использование должно быть повсеместно исключено даже в рамках борьбы с терроризмом [23]. Думается, под воздействием наркотических средств и других психотропных веществ у допрашиваемого отсутствует воля, усматривается повышенная внушаемость, а в ряде случаев показания могут быть основаны на фантазиях и других эмоциональных подоплеках.

§ 4. «Допросы третьей степени». В Америке используются так называемые «расширенные методики допроса» (*«extended interrogation techniques»*), получившие в американской системе правосудия термин «допрос третьей степени» (*«third degree»*), под которым понимается опрос лица, в ходе которого используется физическое, эмоциональное или психологическое давление на допрашиваемого [24]. Несмотря на тот факт, что «методы третьей степени» были идентифицированы в США Комиссией Уикершама в 1931 г. как незаконные полицейские действия, приводящие к ложным признаниям и судебным ошибкам, когда подозреваемые или обвиняемые были в ряде случаев незаконно и необоснованно осуждены [25. Р. 43], они все же продолжают применяться, в особенности по делам о преступлениях террористической направленности [26–29]. К таким способам относятся лишение сна, пытка водой, пытка неудобной позой, сенсорная депривация, гипотермия и др.

§ 4.1. Психологические манипуляции. Выработаны и легальные методы, которые используются для выявления лжи у допрашиваемых. К ним стоит отнести когнитивные подходы к обнаружению обмана, в частности, поощрение собеседника говорить больше, просить предоставить проверяемые данные, задавать неожиданные вопросы, использование обмана относительно прошлых действий и будущих намерений, акцент на лингвистических признаках обмана (анализ достоверности утверждений, мониторинг реальности), обнаружение межкультурного обмана и др. Довольно оригинальным видится применение тактического приема «адвокат дьявола» (*Devil's Advocate*), который демонстрирует некоторые перспективы, как метода оценки того, насколько правдив или нет субъект в отношении своих ценностей и убеждений относительно конкретной темы. Встречается и допрос по «тактике рейда», суть которого заключается в признании обвиняемым вины, получаемом путем девяти шагов: прямая конфронтация, отклонение, превосходство, превращение возражений в подтверждения, проявление эмпатии, проработка различных сценариев, постановка «альтернативных вопросов», повторение, фиксация в письменной форме [30. С. 171].

Как отмечается в специальной литературе, «некоторые зарубежные криминалисты считают, что на основании тех или иных признаков (сигналов) с помощью подобранных бихевиористских (поведенческих) ключей можно судить об определенных чувствах человека – волнении, огорчении, страхе, радости, облегчении и др. Например, в офисе специальной подготовки Института по изучению финансового мошенничества США в

настоящее время существуют методики выявления информации, скрываемой в беседах. По тем или иным ключам могут быть сделаны, в частности, такие оценки и выводы: «ответы не заготовлены», «взвешивание каждого слова», «больше вины, чем страха», «больше стыда, чем вины», «скука», «грусть», «печаль» и т.д. [31. С. 37–38].

§ 5. Чрезвычайная рендиция (*extraordinary rendition*). Американские власти зачастую прибегают к похищению лиц, которые скрылись от правосудия в иностранных юрисдикциях. В основном к таким методам прибегают, когда нет возможности задействовать традиционный межсистемный институт экстрадиции (*extradition*), или так называемой административной высылке – депортации (*deportation*). Такой подход основывается на римской максиме: *male captus, bene detentus* (с лат. «незаконно арестован, но законно содержится под стражей и предстает перед судом») и подтверждается судебными прецедентами, где прежде всего идет речь о доктрине Кер-Фрисби (*Ker-Frisbie Doctrine*), согласно которой «власть правительства преследовать обвиняемого не ослабляется незаконностью метода, с помощью которого оно приобретает над ним контроль» [32. С. 253–254].

Еще одним способом преодоления противодействия со стороны скрывшихся лиц являются «тактические операции по выманиванию, которые зачастую используются правоохранительными органами США. В связи с чем в Руководстве для прокуроров США указано, что если невозможно добиться выдачи уголовно преследуемого лица (такие причины должны быть задокументированы надлежащим образом), представляется целесообразным использовать альтернативу экстрадиции, а точнее необходимо предпринять другие действия, которые могут вернуть такое лицо в Соединенные Штаты Америки или ограничить его способность существовать и путешествовать за рубежом» [33. С. 44].

Поэтому М. Шериф Бассиуни выделил несколько незаконных методов возвращения уголовно преследуемых лиц, а именно:

1) похищение лица зарубежными представителями правоохранительных органов с ведома или с согласия государства пребывания либо без такового;

2) задержание лица правоохранительными органами государства пребывания и его передача должностным лицам иностранного государства вне какой-либо формальной юридической процедуры как в пределах государства пребывания, либо через его границы приграничному государству;

3) сотрудничество между правоохранительными органами иностранных государств вне рамок юридических механизмов с целью похищения уголовно преследуемого лица в одном государстве и передачи его в другое государство, которое затем официально выдает это лицо третьей стране по формальному запросу [34. Р. 274–275].

III. Техническое противодействие и методы преодоления. На сегодняшний день наблюдается тенденция технического противодействия раскрытию и расследованию преступлений. Как отмечают криминалисты, для сокрытия информации на компьютерах могут быть

установлены специальные защитные программы, которые при определенных условиях автоматически производят полное или частичное стирание информации [35. С. 103–104]. Отнюдь, это всего лишь один из способов такого противодействия.

По меткому наблюдению А.Н. Перишина и М.В. Бондарева, техническое противодействие обладает рядом специфических черт, а именно:

- техническое противодействие должно признаваться таковым, если оно направлено на уничтожение, блокирование или модификацию той части криминалистически значимых следов и предметов, которая относится к компьютерной (электронной) информации и технологиям, которые с ней связаны;

- техническое противодействие осуществляется с использованием аппаратных и/или программных средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей. Иными словами, в качестве технического противодействия расследованию не рассматриваются физическое повреждение или уничтожение носителей компьютерной (электронной) информации и технологий, которые с ней связаны;

- техническое противодействие расследованию более сложно по своему исполнению и требует специальных знаний в области аппаратно-программных средств и информационно-телекоммуникационных сетей;

- техническое противодействие расследованию из-за сложности реализации, в основном, планируется уже на стадии подготовки к преступлению. Выбираются, к примеру, анонимные прокси-серверы (анонимайзеры) и пиринговые (децентрализованные) сети; подготавливаются методом цифровой стеганографии электронные файлы со скрытой в них информацией (вплоть до вирусной программы); разрабатываются специальные технические решения (устройства, программные средства и алгоритмы), способные «зачистить» следы преступления сразу же после его совершения или во время возникновения угрозы обнаружения и изъятия криминалистически значимой информации и пр.;

- учитывая разнообразие способов технического противодействия расследованию, оно осуществляется только в форме активных действий;

- техническое противодействие совершается в информационно-технической среде, поэтому привычные действия по преодолению противодействия расследованию могут быть неприменимы [36. С. 10].

В целях преодоления технического противодействия правоохранительные органы иностранных государств применяют различные специальные средства как аппаратного (компьютерные устройства), так и программного характера. К примеру, как отмечают некоторые специалисты в *Германии*, в связи с перманентным развитием цифровых технологий и проникновением их во все сферы жизнедеятельности человека, выделены три главных направления развития следственных действий, которые как раз способствуют преодолению технического противодействия, а именно:

(1) *«Модернизация классических следственных действий»*, разработанных в докомпьютерную эру и адаптирующихся под новые реалии цифровой эпохи. В рамках

данного направления реформированию подвергаются положения об изъятии (выемке), просмотре документов в ходе обыска, прослушке и наблюдении за обвиняемым.

(2) *Появление следственных методов, заключающихся в автоматизации сбора и анализа доказательств*. Такие методы позволяют с помощью цифровых технологий ускорить и повысить эффективность поиска необходимой следствию информации в огромных массивах данных, полученных в результате производства иных следственных мероприятий. В качестве упомянутых способов можно выделить растровый поиск и автоматическое сравнение имеющихся данных.

(3) *Разработка новых (инновационных) следственных методов, разработанных специально для применения в цифровой среде*. К таким методам можно отнести, например, онлайн-обыск или получение пользовательских данных в сфере телемедиа. К этой же категории можно отнести появившиеся в прошлом веке следственные действия, направленные на получение телекоммуникационных данных, так как в настоящее время сфера их применения (мобильная связь и интернет) полностью перешла на цифровой формат» [37. С. 95–96].

В связи с принятием в 2018 г. в США *«CLOUD Act – Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act»*, в переводе на русский – Закон об уточнении правомерного использования расположенных за рубежом баз данных (далее – Облачный закон), правоохранительные органы Америки, заключая двусторонние соглашения с иностранными властями, могут иметь доступ к электронным данным, которые американские компании хранят на зарубежных серверах, при условии, что они имеют прямой доступ к таким данным [38. Р. 53]. Заметим, что данная процедура позволяет напрямую правоохранительным органам США обращаться к американским поставщикам услуг связи, располагающимся за рубежом, нивелируя традиционный механизм оказания взаимной правовой помощи. Это также вытекает из обязанности поставщиков услуг предоставлять сведения по запросу правоохранительных органов вне зависимости от того, где они хранятся, напоминая также таким юридическим лицам о «юрисдикционной ловушке», такой как присутствие бизнеса на территории этой страны [39].

Заключение

На основании изложенного выше стоит отметить, что способы противодействия раскрытию и расследованию преступления в большинстве своем во всех государствах симметричны (инсценировки, ложные показания и т.д.). Однако некоторые методы относительно преодоления такого противодействия различаются по своему содержанию. Прежде всего это касается государств, входящих в англосаксонскую правовую семью (Индия, США), где распространен опыт использования как законных методов (к примеру, опрос с использованием полиграфа), спорно законных – гипноз, так и вовсе незаконных, граничащих с пыткой, а в ряде случаев и вовсе являющейся ей – применение «сыворотки правды» при

производстве вербальных следственных действий (наркоанализ) или же «допрос третьей степени».

Одновременно в настоящее время в преобладающем большинстве государств противодействие раскрытию и расследованию преступлений стало носить технический характер, что потребовало от правоохранительных органов разработки и использования в целях его преодоле-

ния разного рода программных и/или аппаратных комплексов (например, в целях извлечения информации с электронных носителей используются такие аппаратно-программные комплексы, как UFED (Израиль), XRY (Швеция), а при необходимости отслеживания транзакций в блокчейне прибегают к аналитическому сервису Chainalysis (США)).

Список источников

1. Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. 388 с.
2. Журавлева С.Ю. Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1992. 171 с.
3. Петрова А.Н. Противодействие расследованию, криминалистические и иные меры его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 250 с.
4. Даньшин К.Ю. Понятие противодействия предварительному расследованию // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2012. № 4. С. 69–76.
5. Веренич И.В. Учение о преодолении противодействия расследованию преступлений: понятие, содержание и место в криминалистической науке // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 224–227.
6. Абраменкова В.С. Противодействие при расследовании: понятие, формы и способы // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3. С. 59–63.
7. Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. М. : Экзамен, 2005. 390 с.
8. Комиссарова Я.В., Мягих Н.И., Пеленицын А.Б. Полиграф в России и США: проблемы применения. М. : Юрлитинформ, 2012. 224 с.
9. Холодный Ю.И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений (генезис и правовые аспекты). М. : Мир безопасности, 2000. 160 с.
10. Николайчик В.М. США: полицейский контроль над обществом. М. : Наука, 1987. 192 с.
11. Николаев А.Ю. Применение полиграфа в доказывании: судебная практика в США. М., 2020. С. 72–79.
12. Fergusson R.J., Miller A.L. Polygraph in Court. Springfield : Thomas Publisher, 1973. 157 p.
13. Кавалиерис А. Использование гипноза при опросе // Вестник криминалистики. 2009. С. 50–54.
14. Смолькова И.В. Проблемы использования гипноза при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3 (94). С. 210–222.
15. Андроник Н.А., Лещукова К.А. Сравнительный анализ применения гипноза в России и США в ходе раскрытия и расследования преступлений // Правоохранительные органы: теория и практика. 2018. № 1. С. 20–22.
16. Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология. М. : ЮНИТИ-ДАНА, ЗАКОН, 2002. 273 с.
17. Смолькова И.В. Нетрадиционные методы расследования преступлений и доказывание // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 1(1). С. 30–34.
18. Стойко Н.Г. Использование гипноза и полиграфа в уголовном процессе США: права человека и достижение истины // Сб. ст. международной научно-практической конференции в рамках Евразийского научного форума, посвященного 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова «Обеспечение и реализация прав человека и гражданина: исторический опыт, современные проблемы и пути оптимизации» (27–28 октября 2011 года). 2012. Т. 2. С. 351–357.
19. Салихов Д.Р., Ишмухаметов Я.М. Этика и практика использования комплексного теста на выявление лжи // Право и государство: теория и практика. 2020. С. 92–93.
20. Reema B., Aqueeda K. «Truth-Serum» in Criminal Investigation and Trial: A Conspectus // Journal of the Asiatic Society. 2023. P. 158–165.
21. Lasson K. Torture, Truth Serum, and Ticking Bombs: Toward a Pragmatic Perspective on Coercive Interrogation // Loyola University Chicago Law Journal. 2008. Vol. 39, Is. 2. P. 335–337.
22. Ashokemar S. Narcoanalysis test: the truth serum test // Indian Journal of Integrated Research in Law. Vol. II, Is. 4. URL: <https://ijirl.com/wp-content/uploads/2022/12/NARCOANALYSIS-TEST-THE-TRUTH-SERUM-TEST.pdf> (дата обращения: 01.02.2025).
23. Keller L.M. Is Truth Serum Torture? // American International Law Review. 2005. Vol. 20, № 3. P. 522–612.
24. Leo R.A. From coercion to deception: the changing nature of police interrogation in America // Criminal Law Soc Change. 1992. Vol. 18. P. 35–59.
25. Head T. Crime and Punishment in America. New York: Infobase Publ., 2010. 45 p.
26. Arrigo J.M. A utilitarian argument against torture interrogation of terrorists // Science and Engineering Ethics. 2004. № 10. P. 543–572.
27. Greenberg I. From surveillance to torture: The evolution of US interrogation practices during the War on Terror // Security Journal. 2015. Vol. 28. P. 165–183.
28. Waldron J. Torture and positive law: Jurisprudence for the white house/ Columbia // Law Review. 2005. Vol. 105, Is. 6. P. 1681–1750.
29. Birdsall A. But we don't call it 'torture'! Norm contestation during the US 'War on Terror' // International Politics. 2016. Vol. 53. P. 176–197.
30. Андроник Н.А., Пачина Т.С. Допрос по «тактике Рейда» в американском уголовном судопроизводстве: законность, целесообразность, эффективность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. С. 171–176.
31. Гельманов А.Г., Гонтарь С.А. Как установить участие лица в правонарушении? Эффективный и экономичный метод диагностики скрываемой причастности и получения признания виновного в отсутствие доказательств. М. : ОАО «Можайский полиграфический комбинат», 1999. 78 с.
32. Клевцов К.К., Волеводз А.Г. Передача уголовного преследования (уголовного судопроизводства) : учеб. пособие. М. : Прометей, 2022. 762 с.
33. Клевцов К.К. Правовые основы международной передачи и принятия уголовного преследования (судопроизводства) в зарубежных государствах: компаративистский анализ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. С. 39–57.
34. Bassiouni M.C. International Extradition: United States Law and Practice. 6th Ed. New York : Oxford University Press, 2014.
35. Россинская Е.Р., Усов А.И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. М. : Право и закон, 2001. 416 с.
36. Першин А.Н., Бондарева М.В. «Техническое противодействие» расследованию преступления: понятие и содержание // Российский следователь. 2022. С. 7–11.
37. Зазулин А.И. Уголовный процесс Германии в контексте национальных и международных тенденций по цифровизации права. М. : Проспект, 2022. 256 с.
38. Schomburg W., Lagodny O. Internationale Rechtshilfe in Strafsachen (International Cooperation in Criminal Matters): Kommentar 6, vollig neu bearbeitete Auflage. Munchen : C.H. Beck, 2020. 145 p.

39. Maxwell W., Wolf C. A Global Reality: Governmental Access to Data in the Cloud. A comparative analysis of ten international jurisdictions // Hogan Lovells White Paper. 2012. P. 1–13.

References

1. Karagodin, V.N. (1992) *Osnovy kriminalisticheskogo ucheniya o preodolenii protivodeystviya predvaritelnomu rassledovaniyu* [Fundamentals of Forensic Science on Overcoming Obstruction to Preliminary Investigation]. Law Dr. Diss. Ekaterinburg.
2. Zhuravleva, S.Yu. (1992) *Protivodeystvie deyatelnosti po raskrytiyu i rassledovaniyu prestupleniy i taktika ego preodoleniya* [Obstruction of Crime Detection and Investigation Activities and Tactics to Overcome It]. Law Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
3. Petrova, A.N. (2000) *Protivodeystvie rassledovaniyu, kriminalisticheskie i inye mery ego preodoleniya* [Obstruction of Investigation, Forensic and Other Measures to Overcome It]. Law Cand. Diss. Volgograd.
4. Danshin, K.Yu. (2012) Ponyatie protivodeystviya predvaritelnomu rassledovaniyu [The Concept of Obstruction to Preliminary Investigation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. 4. pp. 69–76.
5. Verenich, I.V. (2019) Uchenie o preodolenii protivodeystviya rassledovaniyu prestupleniy: ponyatie, sodержание i mesto v kriminalisticheskoy nauke [The Doctrine of Overcoming Obstruction to Crime Investigation: Concept, Content and Place in Forensic Science]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 7. pp. 224–227.
6. Abramenkova, V.S. (2005) Protivodeystvie pri rassledovanii: ponyatie, formy i sposoby [Obstruction During Investigation: Concept, Forms and Methods]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*. 3. pp. 59–63.
7. Garmaev, Yu.P. (2005) *Nezakonnaya deyatelnost advokатов v ugovnom sudoproizvodstve* [Illegal Activities of Lawyers in Criminal Proceedings]. Moscow: Ekzamen.
8. Komissarova, Ya.V., Myagkikh, N.I. & Pelenitsyn, A.B. (2012) *Poligraf v Rossii i SShA: problemy primeneniya* [Polygraph in Russia and USA: Application Issues]. Moscow: Yurilitinform.
9. Kholodny, Yu.I. (2000) *Primenenie poligrafa pri profilaktike, raskrytii i rassledovanii prestupleniy (genesis i pravovye aspekty)* [Use of Polygraph in Crime Prevention, Detection and Investigation (Genesis and Legal Aspects)]. Moscow: Mir bezopasnosti.
10. Nikolaychik, V.M. (1987) *SSHA: politseyskiy kontrol nad obshchestvom* [USA: Police Control Over Society]. Moscow: Nauka.
11. Nikolaev, A.Yu. (2020) *Primenenie poligrafa v dokazyvanii: sudebnaya praktika v SShA* [Use of Polygraph in Evidence: Judicial Practice in USA]. Moscow. pp. 72–79.
12. Fergusson, R.J. & Miller, A.L. (1973) *Polygraph in Court*. Springfield: Thomas Publisher.
13. Kavalieris, A. (2009) Ispolzovanie gipnoza pri oprose [Use of Hypnosis in Interrogation]. *Vestnik kriminalistiki*. pp. 50–54.
14. Smolkova, I.V. (2020) Problemy ispolzovaniya gipnoza pri raskrytii i rassledovanii prestupleniy [Problems of Using Hypnosis in Crime Detection and Investigation]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. 3 (94). pp. 210–222.
15. Andronik, N.A. & Leshchukova, K.A. (2018) Sravnitelnyy analiz primeneniya gipnoza v Rossii i SShA v khode raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy [Comparative Analysis of Hypnosis Application in Russia and USA During Crime Detection and Investigation]. *Pravookhranitelnye organy: teoriya i praktika*. 1. pp. 20–22.
16. Obratsov, V.A. & Bogomolova, S.N. (2002) *Kriminalisticheskaya psikhologiya*. Moscow: YUNITI-DANA, ZAKON.
17. Smolkova, I.V. (2017) Netraditsionnye metody rassledovaniya prestupleniy i dokazyvanie [Non-Traditional Methods of Crime Investigation and Evidence]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 1 (1). pp. 30–34.
18. Stoyko, N.G. (2012) Ispolzovanie gipnoza i poligrafa v ugovnom protsesse SShA: prava cheloveka i dostizhenie istiny [Use of Hypnosis and Polygraph in US Criminal Process: Human Rights and Truth Finding]. In: *Sb. st. Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Collection of Articles of International Scientific-Practical Conference]. Vol. 2. pp. 351–357.
19. Salikhov, D.R. & Ishmukhametov, Ya.M. (2020) Etika i praktika ispolzovaniya kompleksnogo testa na vyyavlenie lzhi [Ethics and Practice of Using Comprehensive Lie Detection Test]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. pp. 92–93.
20. Reema, B. & Aqueeda, K. (2023) "Truth-Serum" in Criminal Investigation and Trial: A Conspectus. *Journal of the Asiatic Society*. pp. 158–165.
21. Lasson, K. (2008) Torture, Truth Serum, and Ticking Bombs: Toward a Pragmatic Perspective on Coercive Interrogation. *Loyola University Chicago Law Journal*. 39 (2). pp. 335–337.
22. Ashokemar, S. Narcoanalysis test: the truth serum test. *Indian Journal of Integrated Research in Law*. II (4). [Online] Available from: <https://ijirl.com/wp-content/uploads/2022/12/NARCOANALYSIS-TEST-THE-TRUTH-SERUM-TEST.pdf> (Accessed: 01.02.2025).
23. Keller, L.M. (2005) Is Truth Serum Torture? *American International Law Review*. 20 (3). pp. 522–612.
24. Leo, R.A. (1992) From coercion to deception: the changing nature of police interrogation in America. *Criminal Law Soc Change*. 18. pp. 35–59.
25. Head, T. (2010) *Crime and Punishment in America*. New York: Infobase Publ.
26. Arrigo, J.M. (2004) A utilitarian argument against torture interrogation of terrorists. *Science and Engineering Ethics*. 10. pp. 543–572.
27. Greenberg, I. (2015) From surveillance to torture: The evolution of US interrogation practices during the War on Terror. *Security Journal*. 28. pp. 165–183.
28. Waldron, J. (2005) Torture and positive law: Jurisprudence for the white house. *Columbia Law Review*. 105 (6). pp. 1681–1750.
29. Birdsall, A. (2016) But we don't call it 'torture'! Norm contestation during the US 'War on Terror'. *International Politics*. 53. pp. 176–197.
30. Andronik, N.A. & Pachina, T.S. (2015) Dopros po "taktike Reyda" v amerikanskom ugovnom sudoproizvodstve: zakonnost, tselesoobraznost, effektivnost [Reid Technique Interrogation in US Criminal Process: Legality, Expediency, Effectiveness]. In: *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice]. pp. 171–176.
31. Gelmanov, A.G. & Gontar, S.A. (1999) *Kak ustanovit uchestie litsa v pravonarushenii? Effektivny i ekonomichnyy metod diagnostiki skryvaemoy prichastnosti i polucheniya priznaniya vinovogo v otsutstvie dokazatelstv* [How to Establish a Person's Involvement in an Offense? Effective and Economical Method for Diagnosing Concealed Involvement and Obtaining Confession in Absence of Evidence]. Moscow: OAO "Mozhayskiy poligraficheskyy kombinat".
32. Klevtsov, K.K. & Volevodz, A.G. (2022) *Peredacha ugovnogo presledovaniya (ugovnogo sudoproizvodstva)* [Transfer of Criminal Prosecution (Criminal Proceedings)]. Moscow: Prometey.
33. Klevtsov, K.K. (2024) Legal framework for international transfer and acceptance of criminal prosecution (proceedings) in foreign states: a comparativist analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 51. pp. 39–57. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/51/4
34. Bassiouni, M.C. (2014) *International Extradition: United States Law and Practice*. 6th ed. New York: Oxford University Press.
35. Rossinskaya, E.R. & Usov, A.I. (2001) *Sudebnaya kompyuterno-tehnicheskaya ekspertiza* [Forensic Computer-Technical Examination]. Moscow: Pravo i zakon.
36. Pershin, A.N. & Bondareva, M.V. (2022) "Tekhnicheskoe protivodeystvie" rassledovaniyu prestupleniya: ponyatie i sodержание ["Technical Obstruction" to Crime Investigation: Concept and Content]. *Rossiyskiy sledovatel*. pp. 7–11.
37. Zazulin, A.I. (2022) *Ugovnyy protsess Germanii v kontekste natsionalny i mezhdunarodnykh tendentsiy po tsifrovizatsii prava* [German Criminal Process in the Context of National and International Digitalization Trends]. Moscow: Prospekt.
38. Schomburg, W. & Lagodny, O. (2020) *Internationale Rechtshilfe in Strafsachen (International Cooperation in Criminal Matters): Kommentar 6, vollig neu bearbeitete Auflage*. München: C.H. Beck.

39. Maxwell, W. & Wolf, C. (2012) A Global Reality: Governmental Access to Data in the Cloud. A comparative analysis of ten international jurisdictions. *Hogan Lovells White Paper*. pp. 1–13.

Информация об авторе:

Клевцов К.К. — кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента уголовного права, процесса и криминалистики НИУ Высшая школа экономики (Москва, Россия). E-mail: klevtsov001@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.K. Klevtsov, Cand. Sci. (Law), docent, associate professor at the School of Criminal Law, Legal Process and Criminalistics, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: klevtsov001@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.02.2025;
одобрена после рецензирования 27.03.2025; принята к публикации 10.06.2025.*

*The article was submitted 18.02.2025;
approved after reviewing 27.03.2025; accepted for publication 10.06.2025.*